

Источник: Вехи Таганрога
Дата выпуска: 2002
Номер выпуска: 14
Заглавие: Таганрог
Автор: Доран

Сравнительно небольшое казачье зарубежье XX столетия оставило потомкам огромное, но, к сожалению, и по сей день малоизвестное в России культурно-историческое, духовное наследие. Только в последние десять лет начался, но пока очень медленно, процесс возвращения в Отечество имен и творческого наследия некоторых из многих десятков имен казаков, создавших большой пласт поэзии, прозы и публицистики,

Это, прежде всего, один из крупнейших русских писателей XX столетия, бывший атаман Всевеликого Войска Донского, генерал от кавалерии П.Н. Краснов, один из предков которого защищал Таганрог в Крымскую войну, поэты-донцы Н.Н. Туроверов, В.А. Смоленский, П.С. Поляков, Н.А. Келин, Н.Н. Воробьев-Богаевский, сибирская казачка М.В. Волкова, публицист А.А. Гордеев и некоторые другие.

Но имена некоторых авторов, публиковавшихся в ряде изданий казачьего зарубежья под псевдонимами или своими инициалами, нам сегодня неизвестны и, к сожалению, могут так и остаться неизвестными.

К ним, в частности, относится и донской казак, чьи стихи и рассказы под псевдонимом «Доран» в 20-30-е годы публиковались в журнале «Родимый край» (Франция). О нем известно только то, что в те годы он жил во французском городе Южин, куда прибыл, судя по стихам, из Болгарии.

Сегодня вниманию читателей альманаха предложен впервые публикуемый в России рассказ Доран «Таганрог» из его цикла «Россия в гравюрах».

Поначалу тот, кто подъезжает к Таганрогу с моря или в экспрессе по железной дороге, невольно впадает в обман: дымят высокие трубы заводов, гремят подъемные краны в порту - все так, как будто в настоящем большом городе.

Но чтобы рассеялся этот обман, следует войти в самый Таганрог, шагнуть пешком по его улицам так же, как когда-то шагал в нем в высоких ботфортах один человек с очень странной и неразгаданной судьбой. Надо пройти районы теперешних каменных боен, где раньше был плац, вспомнить парады, солдатскую маршировку и шпицрутены, от ударов которых в военной больнице скончался солдат, так похожий и с виду и с лица на скучающего и не нашедшего себе места на земле Александра.

В самом деле: Париж, Санкт-Петербург, Москва и... Таганрог. Много нужно было неутолимой смертельной скуки, чтобы отыскать на глинистых Азовских берегах такую щель! Человеческому здравому смыслу трудно примириться с этой несуразностью, а вот сам-то Таганрог и примирился. И не только примирился, но и вид принял такой, какой подобает в этих случаях заштатному городишке, принявшему большого почетного гостя. Не то, чтобы он возгордился и принарядился модными побрякушками, нет, - а просто сумел придать своему лицу соответствующее выражение, да так и застыл с ним. Застыл на долгие годы, на много-летия, на целые века. И эта особая печать Таганрога осталась на нем навсегда.

***

Город последнего этапа жизненного пути Александра Благословенного.

Победитель Наполеона, жаждавшего руки русской царевны, освободитель Европы от ига антихристов, блестящий император-самодержец Всея Руси и - вздохи умирающего почти на глазах у него от побоев шпицрутенами солдата в таганрогской казарменной больнице. Отсюда все началось, отсюда и легенда о сибирском старце Кузьмиче...

Надо крепко дергать за проволоку, чтоб раздался звонок в большой офицерской комнате дворца, где находился раньше наряд караула Императора. Ведь тогда не было ни элек-

трических, ни пружинных автоматических звонков. Эта примитивная проволока с колоколом так и осталась с тех пор, с рукояткой наружу, у высокого каменного забора желтого одноэтажного дворца.

На дребезжащий звон старого небольшого колокола выйдет дряхлый человек в форме Преображенского полка и поведет через каменные плиты дворца во внутренние покои. Скрипит лестница. Скрипят и покрашенные плиты дворца во внутренних покоях. Скрипит лестница. Скрипят и покрашенные полы.

Зал приемный. Все стены в гравюрах: взятие Азова, Полтавский бой. И картина масляными красками: Александр I на белом коне въезжает через триумфальные ворота в Париж. Парадные мундиры свиты - с высокими тугими коваными воротничками. Большое мягкое кресло голубого бархата у стены и ряд мягких золоченых стульев по всему квадрату узкого и длинного приемного зала.

- Кабинет Александра Благословенного! – чеканит преображенец.

Обыкновенный стол, покрытый сукном; тут же в стеклянном шкафу его парадный мундир и высокие ботфорты. Ботфорты такие, что в них только и шагать через всю Европу по Парижем.

Из стены выдается странное сооружение вроде печи, но без дверцы.

- Место, где покоятся останки внутренностей Императора! - громко поясняет дряхлый гвардеец. - А сердце - в соборе, - добавляет он.

Бродишь по этим скрипучим комнатам, убранным со спартанской простотой, и не веришь, что когда-то вся Европа, весь мир устремляли свои взоры сюда, получив казенную религию:

- Император Александр I волею Божьею скончался. Да здравствует Император Всея Руси Николай Павлович!

Он ли скончался, или его несчастный, избитый шпицрутенами двойник, но с этого момента уходила в область преданий эпоха странных несообразностей: Сперанский и Аракчеев, мечта о Конституции и гордыня в своей самодержавности, думы об освобождении крестьян и военные поселения, задыхающаяся в пламени пожаров Москва и заключительный аккорд манифеста: «Не положу оружия против супостата, доколе останется у меня хоть один воин в стране».

И плеяда блестящих генералов и героев 1812 года: Барклай-де-Толли, Кутузов, Багратион, Милорадович, Бенигсен, Фигнер, атаман Платов, Неверовский, разбивший конницу Мюрата под Красным, Витгенштейн, прикрывший грудью своей армии путь к Санкт-Петербургу, Раstopчин, кн. Волконский, гр. Уваров, Сеславин, Денисов и др.

Летом безводный, раскаленный солнцем и сверкающий ослепительным морем, а зимой с быстро тающим снегом, с Петербургской слякотью и тихими сумерками, город прекрасен в своей вековой грусти.

И куда ни повернешь по улицам с одноэтажными, двухэтажными домами - всюду печать эпохи: на скромных особняках, огороженных решетчатыми заборами, на Александрийских потрескавшихся колоннадах...

А среди потускневших от времени домов, на площадях высятся ныне огромные и прекрасные здания гимназий.

Дни рождественских святок. В окнах гимназий сверкают приветливые огни. Сезон балконов, где так мило пахнет жасмином и ландышами, где гимназистки из классных комнат устроили анфилады лиловых, сиреневых, голубых и розовых гостинных, где старинный вальс сменяется чопорным менюэтом.

По главной улице Петровской, названной так потому, что на ней, стоя на медном постаменте, вперил свой пристальный взгляд в сторону Азова Петр Великий, мчатся роскошные рысаки, запряженные в блестящие экипажи.

И цокот лошадиных копыт почему-то стал похож на стук их по Дворцовой набережной Санкт-Петербурга.

Перед памятником - высокие железные решетки и такие же широкие ворота, ведущие

в большой общественный сад, спускающийся к морю.

У самого входа, на одной из аллей, сидит на скале дама в старомодной шляпе, с черной лентой через подбородок. С нею рядом - девушка в длинном манто, в маленьких лакированных туфельках с бархатным бантиком. У обеих грустные лица, скромные прически. Они обе почему-то кажутся мне только что сошедшими из рамки старой фотографии.

Я подхожу к ним, снимаю шляпу и, делая церемонный реверанс, спрашиваю:

- А не поведаете ли вы, сударыня, в коей части сего града находится храм, в коем покоится сердце Императора Александра Первого, именуемого Благословенным?

Мне отвечают.

Я снова церемонно раскланиваюсь, выхожу из сада, перехожу несколько улиц и, наконец, останавливаюсь на маленькой уютной площади, где стоит чугунный памятник Императору,

В стороне от него - небольшой, крепко вросший в землю храм - место успокоения части останков Государя.

Я вхожу в притвор, читаю надпись на мраморной плите и снова в мозгу встают картины далекого прошлого: трагическое отступление армии Наполеона, остров Эльба, Ватерлоо, Св. Елена и скованный орел на скалистых берегах у океанских бушующих волн.

Несколько раз перечитываю надпись на мраморной плите и почему-то мысленно повторяю:

- Таган Рог... - Соединяю эти два слова и громко говорю: - Таганрог... Таганрог.

И кто-то невидимый мне четко и раздельно отвечает:

- Император Александр Первый волею Божьею скончался. Да здравствует Император Всея Руси Николай Павлович!

Журнал «Родимый Край», г. Париж (Франция)

№ 8; 15 августа 1930 года.

Публикация К. Н. Хохульникова

(г. Ростов-на-Дону)